

СКАЗКА О САМОУБИЙСТВЕ

АЛЕКСАНДР ПОЛЯРНЫЙ

...

Сказка о самоубийстве

а. Полярный

книжное издательство
«Красная лиса»

прочитай. забудь.

и живи, как раньше жил.

Глава 1

Мятная конфета

«Привет, дружок! Я очень рад, что ты нашёл время прочитать мою историю... Постараюсь быть краток, но максимально точен во всех деталях...»

Все началось еще много лет назад... Унижение преследует меня с самого рождения. Интересно, что чувствует крошечный ребенок, когда родители оставляют его у порога детдома, нажимают на кнопку звонка и уходят в темноту? Сотрудники детдома называют эту кнопку «кнопкой подлецов». (Это я узнал позже, будучи уже в возрасте 13 лет.)

А сейчас я просто лежал и смотрел в небо, мне всего три месяца, и весь мир такой большой и пугающий...

Прошло совсем немного времени, но меня уже вынудили понять – справедливости в мире нет. Из собственных вещей – только шкафчик у двухъярусной кровати, а шрамы на коленях напоминают, как мне не хватает мамы. Я никак не мог понять, почему меня бросили и чем я так успел провиниться?

Каждый день, в течение десяти лет, я задавался этим вопросом. Представляешь, как сказыва-

ется на человеке целое десятилетие в том месте, куда я попал?

У всех нас был общий график жизни: завтрак, уроки, обед, прогулка, тихий час, чтение, ужин, сон. Но были и дни, когда кого-то из нас забирали: приходили счастливые пары, выражая сожаление всем детям, но выбирали всегда самых красивых и милых детей. «Так выбирают, будто мы на собачьей выставке», – думал я.

В один из таких дней мне посчастливилось познакомиться с мистером Джеком. Я запомнил тот день на всю жизнь. За окном шел снег, мела сильная метель. Никого из нас не выпускали на улицу, да, впрочем, никто и не хотел выходить. Еще днем провода энергообеспечения оборвало ветром. В приюте было темно и ужасно холодно.

Около восьми вечера мы собрались в общей комнате и сели пить чай на большом бордовом ковре. Да, уселись прямо на пол, с кружками в руках, укутанные самыми теплыми вещами, какие только у нас были. И только крохотный светильник в центре комнаты служил слабым источником света. Наша воспитательница, мадам Илона, – пожилая женщина, укутанная серым вязаным платком, – сидела в кресле по центру и в полумраке читала нам сказку, название которой я уже и не вспомню, но по сей день удивляюсь, как, в такой темноте, она умудрялась нам что-то читать.

Она очень нас любила, и кажется, делала вид, что читает, а сама на ходу придумывала нам новые сказки. Когда мадам Илона произнесла: «И только раз в несколько лет можно было наблюдать, как снегопад вперемишку со звездами делал счастливыми людей, находящихся в этом волшебном месте...», в дверь кто-то громко постучал. Все испуганно уставились на дверь.

Постучали еще раз... Мадам Илона подошла к двери и, не спросив, кто к нам пожаловал, повернула ключ в замочной скважине. Дверь открылась, и в комнату подул холодным ветром. Вслед за ветром вошел мужчина, на вид лет двадцати пяти. Страхнув снег со шляпы, он громко произнес:

— Добрый вечер!

— Джек! Я думала, ты уже никогда не вернешься!

Мадам Илона крепко обняла его, как обнимают матери своих сыновей, когда отправляют их куда-то далеко-далеко, например, на войну. Мужчина улыбался, а мы продолжали смотреть, не очень понимая, кто именно к нам явился. Он просто стоял и улыбался.

Я тогда подумал, какой же он дурак: приперся в такую погоду и стоит, улыбается. Но он развернулся к двери, вышел и спустя пару минут вернулся с огромным ящиком, еле дотащив его до

центра комнаты. Со словами: «Это всем», Джек поставил ящик перед нами. И одним ловким движением открыл его. Тут было килограмм двадцать, а может и больше, конфет.

Незнакомец сел рядом с нами на пол и сказал: «Знаете, а ведь я и сам был таким же, как вы... Жил в этом паршивом детдоме до пятнадцати лет. Моя мать отказалась от меня, когда мне едва исполнилось пять...». «Только раньше здесь была очень злая повариха, и она постоянно заставляла всех съедать порцию противной каши до конца», – вставил он с ухмылкой.

Я вдруг осмелел и сказал:

«Тут и сейчас такая есть». Все дружно засмеялись.

«Берите конфеты, не стесняйтесь», – обронил Джек с улыбкой.

Через несколько минут все объелись сладостями и слушали истории мистера Джека. Этот человек побывал, кажется, в каждом уголке нашей планеты. Он описывал, как путешествовал по Африке, как был на переговорах с королевой амазонок на каких-то древних островах, и про заснеженный городок Мурманск, где-то за Полярным кругом, в далекой от нас России.

Мы внимательно слушали этого неожиданно-го гостя. До самого позднего вечера он нас смешил и одновременно пугал своими историями.

Когда мы собрались спать, он встал с кресла

и произнес: «Ребята, я был очень рад с вами познакомиться, но мне пора идти. Мадам Илона – низкий вам поклон. И спасибо за все». Он уже сделал несколько шагов к двери, но вдруг остановился и тяжело вздохнул. Развернувшись к нам, он неожиданно произнес: «Всего одного, я могу приютить, всего одного. Хочу забрать всех с собой. Но я весь вечер присматривался к вам, заглядывал к каждому в глаза, думал, кого заберу к себе в семью? Вы все замечательные, но я не могу выбрать... Моя жена, Марси, отказалась ехать со мной именно по этой причине, да я и сам знал, что выбрать будет сложно».

Мадам Илона подошла к Джеку и, приобняв его, сказала: «В этом случае я возьму на себя право выбора. У нас есть мальчик, который здесь с самого рождения и кроме этих стен ничего в мире не видел. А провел тут больше десяти лет...». «Сойер, подойди сюда, не стесняйся», – добавила Мадам Илона, посмотрев мне в глаза. Джек устремил на меня взгляд сверху вниз, улыбнулся и произнес: «Сойер, пошли, нам нужно торопиться, нас уже ждут...».

Я был настолько обескуражен развивающимися событиями, что взял одну-единственную вещь, которая была моей собственностью – маленький ключик от пустой тумбочки, потом обнял Мадам Илону и громко сказал: «До встречи, ребята!». И побежал на выход, вслед за Джеком,

к его машине.

Мы ехали долго, и мне удалось заснуть, а он вел машину всю ночь – все дальше и дальше от этого ужасного места, в котором я провел первые тринадцать лет своей жизни. Я так крепко не спал никогда и, проснувшись, немного испугался. Но прокрутив в голове события прошлого вечера, я улыбнулся. Джек взглянул на меня и, молча, кивнул.

Почти сутки мы ехали без остановки: он очень спешил. Не проронил ни слова, только улыбался, пытаясь скрыть свои чувства, но я видел, что его распирает от радости и гордости.

Вечером мы наконец-то подъехали к какому-то дому и вышли из машины. Это оказался большой двухэтажный дом с газоном и деревянными качелями у входа во двор. На первом этаже горел свет. Мы поднялись по ступенькам, и Джек толкнул незапертую дверь. Миновав огромную, но в то же время уютную гостиную, мы попали на кухню. Там, у плиты, кружилась молодая девушка с теплым цветом волос и голубыми глазами. Увидев нас, она произнесла: «К сожалению, я испортила наш ужин. Все сгорело, и нам придется заказать пиццу, чтобы не умереть с голоду...». «Очень странная, но кажется, еще более милая, чем странная», – подумал я.

- Сойер, знакомься: это Марси, моя жена.
- Здравствуйте, Марси.
- Привет, дружок! Я сейчас быстренько закажу пиццу, а вы мойте руки и пойдемте пить чай»,
- сказала Марси и направилась в гостиную.

Через несколько минут мы уже сидели на кухне с чашками чая в руках. Глядели друг на друга и улыбались. В компании этих двоих мне было очень уютно: они излучали какое-то тепло и доброту. Джек сказал: «Сойер, я хочу, чтобы ты с самого начала понял: ты не в гостях – ты дома. Не смей стесняться, пожалуйста!». Я кивнул головой. Так мы сидели и ждали курьера с нашим ужином.

Пиццу привезли минут через тридцать. Джек расплатился с курьером и предложил ему зайти и выпить горячего шоколада. Курьер взглянул на него удивленными глазами и, что-то пробормотав, ушел. «Видно испугался, что мы хотим его ограбить и убить», – сказал Джек. Я засмеялся, а Марси с ухмылкой вставила: «К Джеку никто никогда не заходил на чашку горячего шоколада...». «Но Марси, дорогая, на улице холодно, а он сделал нам такую услугу, привез ужин», – ответил Джек. «...за который ты заплатил...», – добавила Марси.

Мы сели на диван с коробкой огромной пиццы на коленях и с газировкой в руках. Я сразу по-

чувствовал, что Марси отнеслась ко мне не как к сыну, а как к другу. Она сказала, что я взрослее, чем выгляжу на самом деле. И все время обращалась ко мне: «Дружок...».

– Дружок, мы тебе подготовили комнату. Ты же не боишься спать один? – задала мне вопрос Марси.

– Нет, не боюсь, – немного смущенно ответил я.

– Я шучу: конечно, не боишься, – с улыбкой продолжила Марси.

Кажется, что мы уже успели стать лучшими друзьями на всю жизнь... Джек уснул, сидя на диване, а Марси взяла меня за руку и тихо сказала: «Для него это был очень тяжелый день..., пойдём, я отведу тебя в твою комнату».

Этой ночью я не смог уснуть. Смотрел в потолок своей комнаты на втором этаже. Эта была комната с большим книжным шкафом – но почему-то в нем была всего лишь одна книга. С внушительным письменным столом, креслом в углу комнаты и окном с видом на проезжую дорогу. Тут было не очень много вещей, но все они были новыми. На следующий день я чистил зубы уже в собственной ванной комнате.

О чем может мечтать подросток в свои тринадцать лет? Кажется, сейчас у меня было все:

своя комната, своя семья, не хватало только щенка... Когда я закончил умываться, услышал голос Марси с кухни: «Мальчики, завтрак!». «Все, как в нормальной семье, – подумал тогда я. Яичница, бекон и сок ждали меня на кухонном столе. Мы поели, Джек уехал на работу, а Марси повела меня с экскурсией по дому: кухня, несколько спальных комнат, огромная гостиная, библиотека – и это, не считая второго этажа, который почти полностью принадлежал мне. Марси спросила:

– Ты, видно, не понял, почему в твоём книжном шкафу всего одна книга?

– Нет, почему?

– Видишь эту стену с книгами? Джек заполнил её именно теми книгами, которые прочел. А я поставила свою любимую книгу на твою полку: начни с нее, если у тебя будет желание...

Я посмотрел на стену с книгами, которые прочитал мистер Джек: тут были сотни книг.

– Мне кажется, что Джек реализует все свои мечты из детства, все свои планы, которые он когда-то задумал в детдоме, и что он пытается доказать себе и всем остальным, что чего-то стоит, – сказала Марси, улыбнувшись.

Прошло несколько дней. Я уже начал при-

выкатать к своей новой жизни и одним ранним утром готовился пойти в школу. «Мальчики, завтрак!», – услышал я тоненький голос Марси.

Я быстро сбежал с лестницы, с рюкзаком на плече, и сказал: «Мам, я очень волнуюсь. Но обещаю быть умнее всех!». Марси обняла меня и не смогла сдержать слез – ведь я называл ее мамой, которой у меня никогда не было.

На улице была сильная метель. Мы ехали в школу примерно час, и Джек сказал, что это самая лучшая школа в округе и что в неё очень сложно попасть, если ты не сын начальника или кого поважнее. Я не знал, кем работает мой отец, но не стал спрашивать в этот момент...

Большое красивое здание школы, у которого стоял ряд разных деревьев, высотой с небоскреб, – или мне так показалось? Мы зашли через парадный вход, нашли нужный класс, и Марси мне прошептала: «Все, ты дальше сам, ничего не бойся!...». А Джек похлопал меня по плечу и сказал: «После школы расскажу тебе что-то очень важное...».

Я зашел в класс, где были, по меньшей мере, двадцать учащихся моего возраста и молодая учительница математики, которая произнесла: «Привет! А мы тебя как раз ждем. Соьер, верно?». Я громко ответил: «Верно».

Выглядел я тогда немного смущенным, и меня посадили за парту к нелепой девочке в

очках. Все шептались, рассматривая меня. Мне стало неловко. Последующие сорок минут, кажется, мало, кто был занят математикой: все то и дело переговаривались. На перемене я стал знакомиться с моими новыми товарищами. Высокий рыжий парень сразу протянул мне руку и сказал:

– Густаф.

– Сойер, – я тоже протянул ему руку в ответ.

– Недавно переехал? – спросил он.

– Шесть дней назад – ответил я.

Проболтали мы с ним всю перемену, но тут прозвенел звонок, и все направились в следующий кабинет на урок искусства. Весь урок мы рисовали китов. У нас был классный учитель, настоящий художник Горлан Воршал. Он рассказывал нам истории про свои экспедиции на Северный Полюс. Рядом со мной сидела голубоглазая девочка и очень красиво рисовала – намного лучше, чем я, и волосы у нее были цвета белого золота. Она, не отрываясь, смотрела на меня, как на инопланетянина, а я смущался.

Вдруг в класс зашел мужчина, и все встали. Это был директор школы, мужчина лет около сорока на вид, крепкого телосложения с явной армейской выправкой. Он подошел к учителю искусств и что-то прошептал ему. Тот сразу покачал головой и показал рукой в мою сторону.

«Парень – за мной. Пойдем, не бойся», – обратился он ко мне. Я медленно подошел к нему, и мы вышли из класса.

Директор отвел меня в своей кабинет: это была большая комната, стены которой украшали награды и благодарности. Я сел в кресло напротив его стола. Он спросил:

– Джек и Марси Линдслоу, твои родители, верно?

– Да, верно.

– Ты же знаешь, что ты их приемный, а не родной сын, верно?

– Сэр, мне тринадцать лет, я все понимаю и очень благодарен им, они..

– Постой, Соьер, – перебил он меня. – Мне только что позвонили из службы дорожного патруля и сообщили, что твои приемные родители погибли в автокатастрофе час назад. Твой приемный отец, Джек, не справился с управлением и врезался во встречную машину. Они оба погибли. Прости...

В этот момент для меня перевернулся весь мир. Я не слышал, что говорит директор.

Мне было мучительно больно, и я не мог поверить в то, что произошло.

«Читатель, прости! Я пообещал говорить только правду, Какой бы горькой она не являлась... Сойер больше никогда не увидит учителей этой школы, больше никогда не заговорит с девочкой, которая сидела на уроке справа от него, и никогда не узнает, что хотел сказать ему Джек.»

Попросту никогда...

Глава 2

Наполовину полный стакан

*«Читатель, что происходило дальше в не-
легкой судьбе Сойера – мне не известно, но по-
прошу тебя не вешать нос! Там, где бывает
закат, – вскоре наступает рассвет.»*

Глава 3

История одной любви

День 1

Она вышла из забитого людьми автобуса. Ей было душно в толпе незнакомых людей. «Пройдусь пешком», – подумала она. Было очень свежо – прохладный сентябрь, с листьями и лужами вокруг. Девушка шагала, аккуратно обходя тоненькие ручейки, по тропинке с опавшей листвой. Ветер тихонько дул ей в лицо.

Телефон издавал звуки «входящих сообщений» уже несколько минут. Она достала его из коричневой кожаной сумки и стала читать: «Ты где?»; «Ты придешь???»; «Зои, не молчи!».

Зои улыбнулась и написала в ответ: «Почти приехала». Не успела убрать телефон в сумку, как моментально пришел ответ: «Быстрее, тут такая толпа!». Эти сообщения приходили от подруги Зои: Мэри, шатенки двадцати двух лет, которая уговорила ее пойти вместе с ней в театр. «Такая толпа, ненавижу толпы!..», – вздохнула про себя Зои.

Она пришла на площадь к театру и увидела множество людей. Но это была не такая толпа, как в забитом автобусе, а совсем другая – весе-

лая, шумная, в предвкушении хорошего вечера.

Прекрасно одетые мужчины в костюмах с красивыми спутницами в вечерних платьях.

«Зои, Зои!», – машет рукой у входа в театр Мэри. Она обняла свою подругу и на ходу начала говорить:

– У нас первый ряд, 14-15 места. Это самые лучшие места в зале, я же тебе говорила!

– Мэри, ты такая молодец, правда...

– Я знаю. Можешь не говорить мне такие очевидные вещи... А может, сегодня мне удастся познакомить тебя с одним из красивых, умных, богатых молодых мужчин? Их, кстати, полно в этом зале...

– Не начинай, пожалуйста, прошу тебя, – ответила Зои, презрительно прищурившись от ее предложения.

...Мы прошли в холл, я развязала шарф, расстегнула пуговицы на пальто и встала в очередь в раздевалку. Мэри трещала без остановки что-то про богатых и красивых мужчин, про мужчин в разводе.

Через несколько минут мы были в зале. Места, действительно, были хорошие.

...Большая заснеженная сцена. Новогодние декорации.

«Очень уютно и одновременно торжественно», – промелькнуло в голове у Зои.

Мэри, стреляя глазами в сидящего рядом австралийца, что-то говорила ему.

Заиграла музыка. Свет в зале приглушили, и на сцене появился бородатый старик с фонарем в руках. Он освещал себе путь, рассказывая легенду о снегопаде: если пройти сквозь него, то человек будет счастливым.

Вскоре на сцену вышел сбившийся с пути странник, а точнее юноша лет двадцати. Он заблудился – и, вероятно, не только по сценарию, на местности, но и в жизни. Оказавшись в кругу бездомных людей, он произнес: «Новый Год – это лишь 365 поводов грустить вновь!». Зои показалось это немного банальным, но его голос! Мурашки бегут по коже... Какой же теплый! – кажется, что в силах даже растопить лед вокруг себя.

По сценарию выяснилось, что он спорил с каким-то тайным обществом о смысле жизни.

Тут мне стало наплевать на все вокруг, кроме него. Я не слышала смеха зрителей и не слышала, как Мэри флиртует рядом с каким-то богачом. Я не могла оторвать взгляда от этого юноши на сцене. Почему он показался мне таким скромным и печальным? Всю жизнь я была твердо уверена, что влюбленность – это не коробка шоколадных конфет, купленная по пути на свидание. Это что-то большее... То, чего мне еще не показывала жизнь. Оказывается, все на-

много проще. И одновременно сложнее, потому что нет такого языка на планете Земля, способного передать это чувство...

– Зои, рядом со мной сидит владелец «Ронзетто делириум», крупной сети ювелирных изделий в Австралии. Я познакомлю вас после спектакля, он предлагает с ним выпить, – шепнула Мэри.

– Пожалуйста, помолчи, ты отвлекаешь, – раздраженно ответила я.

Мэри презрительно отвернулась от меня. Закончился спектакль, а я не могла встать, настолько сильным было впечатление. Все аплодировали. Толпа зрителей устремила к выходу: кто в рестораны, кто домой, кто гулять дальше. А я села на диванчик в холле и смотрела на актеров, которые общались со зрителями, фотографировались, смеялись.

И он там был. Тот самый актер. Говорил с какой-то девушкой, а я уже ревновала. Она положила руку ему на плечо. «Вот сейчас возьму и подойду к нему», – это единственное, что было сейчас у меня в голове. «Ведь не боюсь. Возьму и подойду. Вот уже, сейчас...».

– Ты на кого там так пялишься, Зои? – с упреком спросила Мэри.

– На того, кто играл путешественника, – ответила я.

– Зои, ты что? Сумасшедшая? Ты знаешь, сколько они зарабатывают? Да он нищий актеришка, зачем он тебе нужен!

– Так, все, молчи. Я иду, – отмахнулась я от Мэри. А сама стояла на месте, как вкопанная, минуту, десять минут, двадцать...

Кажется, он уже собирается уходить. И все? Она его больше никогда не увидит?

Тут меня кто-то тронул за плечо, и я обернулась, вздрогнув от неожиданности: передо мной стоял тот богатый австралиец, с которым хотела познакомить меня Мэри, и в руке у него был букет роз. «Ви должны пайти со мной выпить од-нозначна», – сказал он с ужасным акцентом и вручил букет. «Нет, не смогу, пожалуйста, простите, мне срочно нужно домой! Спасибо за букет: он, правда, замечательный», – проговорила я вежливо, мечтая, однако, его отшить. Едва сдерживая слезы, я пошла к раздевалке, но меня вновь тронули за плечо. Не оборачиваясь, крикнула ему:

– Да отстань же ты, наконец!

– Прошу прощения, но вы оставили вашу коричневую сумку на скамейке, когда наблюдали за мной... Вот, пожалуйста... Красивые, кстати,

розы. Наверное, вы поставите их в вазу, чтобы они умирали медленнее? – спросил тот самый актер.

Он стоял и держал мою сумку в руках. Потом протянул ее мне. Я стояла ошарашенная. Он подошел. Сам. На долю секунды почувствовала себя особенной. Взяла из его рук сумку и проговорила:

– Простите, пожалуйста, спасибо, извините, просто тот человек хотел меня напоить, сделать своей женой, и я бы умерла от несчастья с ним... Актер засмеялся:

– Богачи, да, они такие...

Я тут же ответила:

– А цветы – нет. Недавно один парень подарил мне букет цветов, в котором было больше ста роз. А я не знаю, как бы ему намекнуть, что меня нужно брать едой...

– Едой, сериалами и теплым пледом по вечерам? – добавил он.

– Ромашковым чаем еще можно! – улыбнулась я.

– Ого, как откровенно!

– Почему? – я все время улыбалась. В каждом слове у меня была улыбка.

– А я никогда не пил ромашковый чай, но выпил бы его с вами. Прямо сейчас.

Прозвучало это так заманчиво, что у меня закружилась голова от радости. Я протянула ему руку и произнесла: «Зои». Он наклонился к моей руке, чтобы поцеловать, и сказал: «Сойер». Кажется, он до сих пор был в образе после спектакля или он обманул весь зал, а я этого не заметила...

День 3

Я уже проснулся и боялся, что не увижу ее, когда открою глаза...

«Так, стоп, читатель! Я хочу предупредить тебя: Помни, что это – всего лишь сказка, И ты в любой момент можешь закрыть эту книгу и отложить ее в сторону... А лучше так и поступи: Все это нереальная история, и никто не пытается тебе доказать, что это было на самом деле. И прости меня за мои лирические отступления.»

Я уже проснулся и боялся, что не увижу ее, когда открою глаза. Но она была рядом и крепко спала. Очень тихо дышала и выглядела сейчас такой хрупкой.

Я осторожно встал с постели и тихо вышел из комнаты, чтобы случайно не разбудить Зою. Начал готовить завтрак, но мысленно оставался с ней в постели, а мои вечно холодные руки.., я так хотел согреться рядом с нею! Кофе, несколько тостов – и вот я несу ей в постель поднос. Точнее – нам. Запах кофе разбудил ее, не успел я зайти в комнату. (Как в рекламе какого-то дешевого растворимого кофе).

– Сколько времени? – промурлыкала Зои.

– 18.30.

– Я проспала весь день? – с испугом спросила она.

– Мы проспали весь день, – сказал я, успокаивая ее.

– Ты приготовил мне ужин?

– Да, это ужин в постель.

– А что у нас на ужин?

– Тосты и кофе.

– Со-о-о-йер, – протянула она. – Это самый романтичный ужин в моей жизни...

– На самом деле, это очень поздний завтрак. А если ты хочешь поужинать, мы можем прогуляться в кафе на углу Чайного квартала.

– Это случайно не там, где лавка сладостей Борли Минтла?

– Именно там, напротив нее.

– Нет, тогда точно не пойду, Сойер. Я слышала ужасные истории про этого человека.

– Какие же? – со смешком спросил я.

– Иди ко мне ближе, это очень страшная история...

Я подвинулся к ней ближе, и она укутала меня одеялом.

...Очень давно жил на свете одинокий человек, который однажды влюбился в прекрасную девушку, дочь богача, прекрасную Глорию Ротхен. Ее отец, Смит Ротхен, был владделец фабрики

по изготовлению сладостей – в то время самой крупной фабрики в наших краях – и был настроен против их отношений.

– Почему? – удивленно спросил я.

– Потому что этот «одинокый человек» был его конкурентом, владеющим маленьким магазином сладостей. А ее отец считал, что он хочет использовать его дочь в своих корыстных целях.

На самом деле, этот «одинокый человек» был по уши влюблен в его дочь. Он простой и добрый парень, который помогал беднякам, заботился о больных животных. Дома у него жили три ворона, у каждого из которых был «волшебный клюв», исполняющий желания, стоило только его хозяину что-либо попросить... Но это всего лишь легенда, а что было на самом деле – никто уже не помнит, наверняка...

Так вот, однажды этот одинокий человек пришел домой и увидел, что у его двери, на веревках, висели головы трех его воронов, с обломанными клювами, а на двери кровью было написано: «Ты следующий». На другой день всю семью Ротхенов нашли мертвыми в собственных кроватях. Кроме Глории – ее больше никто никогда не видел...

– Как ты думаешь, как зовут этого одинокого

человека?

– Неужто Борли Минтл?

– Верно..., поговаривают, что в его подвале до сих пор живет в плену Глория Ротхен.

– Я не верю, если бы это было правдой, он давно бы гнил в тюрьме! Был ли суд? Обыскивали его дом?

– Сойер, это всего лишь сказка, страшная сказка... Но боюсь, что доля правды в этом есть.

Несколько минут мы ели молча.

Решили никуда не идти и опять заснули...

День 6

Кажется, тогда у нас дома закончилось все: сахар, чай, еда, салфетки – так долго мы не выходили из дома. Мы просто обнимались сутки напролет...

Вы смогли бы пропасть на неделю из своей жизни? Просто вырваться, оставив дома включенным свет, приготовленный суп в холодильнике, может быть, даже открытым окно. Пусть там будет холодно... Бывает, что-то делаешь и не думаешь о последствиях, идешь в расстегнутом пальто по улице, даже когда на улице мороз, а потом лежишь неделю дома с температурой.

Кажется, вот именно сейчас у меня была такая температура. Я заболела им и не была уверена, что существует лекарство, способное мне помочь. Я не хочу, чтобы тот вечер в театре заканчивался! Он длится уже, наверное, неделю. А может, дольше? С Сойером так быстро летит время... Глаза зеленого цвета и очень грустная улыбка. Я бы даже сказала, не зеленого, а изумрудного, как у драконов в сказках. А еще мы постоянно составляли «списки» – дурацкие и простые. Он сказал, что этому его научил отец.

– Зои, знаешь, что я в тебе люблю? Твои руки, постоянно холодные... Греть их – одно удовольствие.

Твои слова про то, что у тебя нет забот и дел

и что тебя не интересует, включен ли чайник на кухне, и какой сейчас курс у валюты.

Твои глаза.

Твои руки. За то, что они так трепетно перебирают мои волосы, когда я читаю тебе вслух. Твою заботу...

– А что тебе во мне не нравится? – с небольшой иронией в голосе спросила я.

Сойер на минуту задумался и ответил:

– Твои глаза. За то, что они такие грустные, когда мы молчим.

На улице шел дождь, и мы не выползали из-под одеяла почти весь день...

День 11

Мы вышли из дома. Свежий, уже слегка морозный, воздух забирался в легкие и оставлял там волшебное чувство предстоящей зимы. Мне было приятно, что я не один. Рядом со мной – прекрасная девушка, в черном пальто, укутанная в красный шарф. Она улыбается, и мне хорошо.

Мы все же решили зайти в лавку сладостей Борли Минтла. Само заведение было похоже на пряничный домик из какой-то сказки. Все такое сладко-сахарное... У прилавка стояла семья. Как обычно, дети в таких местах плохо себя ведут. И ребенок в этой семье не был исключением. Я не люблю слезы – особенно, когда о них оповещает детская истерика, с громким ревом метров на пятнадцать вокруг.

И еще тут был мужчина, странно смотревший на нас. Кажется, его тоже немного раздражали плач и возгласы бегающих кругом детей. И, кажется, он кого-то ждал, стоя в сторонке с большим свертком в руках.

Зои купила два стаканчика мятного капучино, и мы направились пешком к центру города. Что мы сделали за день?

Гуляли.
Пили много кофе.
Видели много людей.
Дышали морозным воздухом.
Дышали духами на ярмарке парфюмерии. Удивительное место! Тут были запахи всего, что только пахнет в этом мире.
Да-да, буквально всего...

А вечером мы купили билеты в кино и проболтали весь фильм. Вернувшись домой, я скинул с себя уличную одежду и решил прилечь на несколько минут.

Все тот же 11 день

Вернувшись домой, Сойер завалился на диван в гостиной, а я переоделась в свою уютную домашнюю пижаму. Дома лучше, чем везде: здесь одежда удобнее, чай вкуснее, люди добрее друг к другу, потому что они родные и любимые.

Я решила приготовить нам романтический ужин: яичница с базиликом и... все. Еще есть апельсиновый сок. Или Сойер будет мятный чай? Я где-то читала, что мужчинам вредно пить мятный чай. Интересно, почему? Вернулась в гостиную с подносом, полным еды. А Сойер спит. Радостно наблюдать за любимым человеком, когда он спит: сразу появляется чувство заботы. Укрываешь его теплым одеялом, целуешь в лоб, чтоб спалось слаще, стараешься вести себя как можно тише. Я не заметила, как уснула рядом. Хотя кто замечает, когда он засыпает, верно?

Всю следующую неделю я буквально провела у нашей кровати. Сойер заболел: красное горло, кашель, температура под 39. Я лечила его, заботилась, а он по-детски смущался... Мужчины любят, когда о них заботятся, но Сойер был очень стеснительным.

День 17

Каково это быть Романтиком с большой буквы?

Я получаю кайф от того, как она быстро говорит, когда нервничает, от аромата ее духов, который переходит в мой запах. Зои прекрасна «по умолчанию». Она очень внимательно слушает все, что я ей рассказываю, хотя многие темы для разговоров пытаюсь обойти. Например: «А где твоя семья сейчас?», «А много ли друзей?». У меня огромный список этих «не было и нет», так что иногда я просто делал вид, что не слышу вопроса.

А еще я боюсь, БОЮСЬ!, что она увидит во мне кучу этих недостатков. Я знал, что когда-нибудь расскажу обо всем, но не сейчас. Не хочу отпугивать ее, не хочу, чтобы она испытывала ко мне жалость, которая мне не нужна. Точно не сейчас, точно.

Поздняя осень под медленный вальс опавших листьев. Она повторяет, как важно тепло одеваться в такую погоду. Пара чашек чая в ближайшей кофейне на углу и прогулка за руки до позднего вечера...

День 25

Помню тот день, когда она впервые уехала от меня к себе домой.

Весь день я не знал, чем себя занять. Зои пообещала, что вернется вечером, но я боялся, что она передумает и не вернется...

Я решил разобрать чердак, который за одиннадцать лет моей жизни в этом доме ни разу не убирался, а ведь там была целая гора всякого барахла. Поднялся по старой, немного скрипучей лестнице, отворил дверь ключом, который всегда был вставлен в замочную скважину и зашел в довольно темное помещение. Посередине комнаты стоял письменный стол, кругом разбросаны исписанные непонятным почерком листы бумаги. На столе стояла старая клетка для птицы, под столом – небольшой сундук, а рядом – два запечатанных ящика и картина женщины в плаще. Я подошел к столу, взял в руки тетрадь, покрытую толстым слоем пыли, открыл ее и пробежал глазами по первым строкам: «Посвящается Пирату, Марте, Кнопе, Вильмонту и Патриции – тем, кто не покидал мое сердце ни на минуту». Я читал дальше: «Если вы готовы прочитать или даже послушать увлекательные и поистине загадочные истории, то отбросьте все свои дела, сядьте куда-нибудь в укромный уголок, где вас не будут отвлекать, и я поведу вас

намного дальше, чем вы можете себе сейчас представить».

Как-то раз я стал случайным свидетелем одной ссоры в магазине сладостей с запоминающимся названием, которое я, к сожалению, забыл... Кажется, это был магазин «Карла Флоера» на проспекте Ледоколов.

Бедная, но на вид опрятная семья стояла в очереди у прилавка. Самый младший, паренек лет семи, упрашивал маму купить ему взрывных леденцов. Кажется, он получил отказ уже раз десять и теперь плакал.

Дети всегда так делают, по крайней мере — упрямые. Или только невоспитанные? Я довольно плохо разбираюсь в детях, да мне это особенно и не нужно.

На минуту я задумался. Если бы я стал открывать подобную лавку в бедном квартале этого города, учитывал бы я факт доплаты продавцу за выслушивание детского плача, ведь он самый частый гость у прилавков со сладостями? Наверное, нет. В этом я тоже плохо разбираюсь, но и это мне не нужно...

От моих, никому не мешающих, размышлений меня отвлек владелец этой лавки, пожилой господин с багровыми щеками, в черном цилиндре:

– Д-д-добрый вечер, прошу прощения за задержку! – прохрипел он.

– Добрый... Ничего страшного: ожидая, я наслаждался запахом сладостей и шумом детей в этом чудном месте, – чуть иронизируя, ответил я.

– Вы привезли чертежи?

Тут он протянул ко мне свои толстые ручки. Я отдал ему кипу бумажек, которая стоила намного дороже, чем мне было предложено за эту работу. Его глаза заблестели (У жадных людей такое случается каждый день...), и он развернулся ко мне спиной, как-то зловеще промолвив: «Иди за мной». Мы протиснулись сквозь толпу покупателей, стоящих у прилавка, прошли по темному коридору с тремя поворотами, и в конце последнего была всего одна дверь. Он отворил ее желтым ключом и пропустил меня вперед.

Попав в плохо освещенную комнату, где ничего не удавалось разглядеть, я не испугался. Но дверь с сильным грохотом закрылась за моей спиной, и я струхнул. Когда мои глаза привыкли к темноте, мне удалось разглядеть еще более пожилого мужчину, чем мой предыдущий спутник. Он сидел за столом посередине комнаты. Небольшая лампа освещала огромную книгу, в которую старик что-то записывал. Пришлось сделать несколько шагов к нему навстречу.

– Добрый вечер! – поприветствовал я его. Он продолжал писать, ничего не ответив. Тогда я сделал еще несколько шагов и постучал по столу. Старик поднял на меня глаза.

– Оплата? Счет? Поставки? – проговорил он.

– Да нет же, чертежи, – ответил я.

– Ах, да... оплата, – промолвил мой собеседник.

На минуту задумавшись, но уточнив что-то у себя в книге, он протянул мне мешочек с монетами:

– Четыре золотых и пятнадцать серебряных. Как и обговаривали раньше.

Даже в таком полумраке было видно, как у него блестят глаза. Я присмотрелся и заметил на столе не только книгу, в которой, по-видимому, он вел учет финансов, но еще и бумаги, покрытые пылью, огромное количество пузырьков с чернилами и клетку, в которой сидел попугай. Он выглядел каким-то обделенным, будто кроме клетки и пыльных бумаг ничего не видел в своей жизни. Мне вдруг стало его жалко, и я задал вопрос:

– Красивый попугай, но с виду очень несчастный. Он умеет говорить?

Старик, уже погрузившись в свои бумажки, вяло ответил:

– Не знаю.

Я сказал, что отдам за него золотую монету. Сейчас я немного преувеличу, но от блеска глаз этого старика можно было ослепнуть. Так бывает, когда жадному человеку предложить что-нибудь очень выгодное для него. Он резко встал и начал мгновенно торговаться: «Как, только одну золотую? Это экзотический попугай, из мест столь далеких, что стоит не меньше четырех золотых, а то и вовсе не продается!». Я вернул старику мешочек с монетами, взял клетку и на прощание сказал: «Сдачи не надо...».

Выйдя на улицу, я открыл было клетку, чтоб отпустить бедолагу на волю, но подумал, что место здесь не самое благоприятное. К тому же скоро зима, а это птица экзотическая, еще простудится да помрет...

Читатель! Ты, наверное, ожидаешь, что попугай окажется волшебным и что он озолотит меня в один миг за доброту к нему? И что я стану богачом, а когда те старики узнают о волшебстве попугая, то умрут от зависти? К сожалению, нет...

Попугай оказался обыкновенным, точнее, не совсем: у него были зеленые перья и родом он происходил из экзотических мест. Я вернулся вместе с ним домой и был ужасно горд собой,

чувствуя себя спасителем. Чувствовал настолько сильно, будто пересек семь королевств и спас принцессу из башни с драконом. Но нет: в клетке у меня был неухоженный попугай, больше похожий на мешок с перьями! «Надо привести тебя в порядок», – проговорил я вслух. И сразу попытался почистить попугаю перья, успокаивая его, но он, похоже, был немного шокирован таким фамильярным обращением. Когда я аккуратно взял его за крыло, то увидел тоненький ремешок, завязанный под левым крылом. Развязал узелок, снял ремешок и обнаружил небольшую свернутую бумажку. В ней были изображены какие-то координаты и маленький рисунок желтого ключа, а также надпись черными чернилами: «Спасите нас!». Это что, глупая шутка жадных стариков?! Хотя нет, содержание записки не очень похоже на шутку. И кто это писал? Как давно? Может, уже слишком поздно?

На следующий день я вернулся в лавку, чтобы расспросить стариков о попугае. Подойдя к ней, увидел табличку: «Закрыто». Долго простоял у входа, но так никого и не дождался.

Пошел первый снег. Укутавшись в свое серое пальто и завязав потуже шарф, направился обратно к дому.

И тут я даже подпрыгнул от неожиданности: до меня донесся голос Зои с первого этажа: «Сойер, я дома!». Я закрыл тетрадь и спустился на первый этаж.

День 35

За окном идет снег, а я вернулась с работы домой, к моему Сойеру. Не представляю себе другой жизни, да и не хочу, наверное, представлять. Последние десять дней мы перечитываем целую гору исписанных тетрадей, которые он нашел на чердаке. Тут было много историй. Но все они начинались одинаково: «Посвящается Пирату, Марте, Кнопе, Вильмонту и Патриции – тем, кто не покидал мое сердце ни на минуту».

– Сойер, как ты думаешь, кто она, Патриция? Такое красивое имя...

– А мне больше интересно, кто такой Пират... Не может быть, что человек, который писал все эти истории, дружил с пиратом. Как-то в голове не укладывается, какие в наше время могут быть пираты?

Сойер сказал мне, что знаком с человеком, который писал в этих тетрадях. Но к нему надо ехать далеко: почти два дня без остановки. Я так загорелась этой идеей, что уже через день мы отправились в путь – узнать, кто такая Патриция и почему этот человек дружил с Пиратом.

День 38

Мы приехали в тот приют, в котором я когда-то провел первые тринадцать лет своей жизни. Здесь ничего не изменилось: тот же запах, скрипящие доски в полу – те же, только детей стало намного больше. Казалось, все было по-прежнему, но я почему-то не узнал это место. Мы вошли в центральную комнату, где так же стояло любимое кресло мадам Илоны. Дети, бегающие кругом – кто с игрушками, кто с книжками, – особого внимания на нас не обращали. Тут бурлила жизнь, маленькая жизнь вдали от огромного мира. В комнату зашла девушка лет двадцати, и к ней тут же побежал один из мальчиков. Он громко плакал, показывал на свое, по всей видимости, красное горло.

– Все пройдет, успокойся малыш. Ложись в кроватку, а я тебе принесу чай с лимоном, и мы тебя вылечим. Ты только не расстраивайся...

Она заметила нас и, поздоровавшись, спросила: «Чем могу помочь?». У меня немного перехватило дыхание, и я ответил что-то невнятное: «Я, точнее мы, хотели бы увидеть мадам Илону, здравствуйте...». Девушка посмотрела на меня с печалью в глазах и произнесла: «К сожалению, ее уже нет в живых, она умерла два года назад.

Теперь о детях забочусь я». Она говорила что-то еще, как будто не давая возможности вставить слово. Мне было больно...

День 39

Мы с Сойером остались переночевать в приюте. Когда дети ушли спать, взрослые сели у камина. Новую воспитательницу звали Лора. Ей было всего девятнадцать лет, но она справлялась со своими обязанностями не хуже, чем мадам Илона, а, может быть, даже лучше. Лора сказала, что попала в приют, когда ей было семь лет.

Мы беседовали долго, около двух часов. К нам присоединился старый дворник, которому плохо спалось. Он пил странное пойло из своей фляги и сидел ближе всех к камину. Мальчики с кухни принесли нам жареной картошки и горячего чая. По ночам здесь работали только ребята, что постарше: они трудились ночью на кухне, чтобы приготовить на весь приют еды.

Я все же осмелилась спросить: «Лора, а ты не знаешь, тут жила девочка по имени Патриция?». Она с недоумением посмотрела на меня и ответила отрицательно. А дворник усмехнулся и, выдержав паузу, стал рассказывать: «У одного ребенка, лет тридцать назад, был щенок по имени Патриция. Мальчик очень переживал, когда собачка сбежала, по крайней мере, ему так сказали. Он удирал по ночам и искал ее, но никто из взрослых так и не осмелился ему даже намекнуть, что кто-то из детей в этом чертовом прию-

те утопил его щенка в ведре. Мальчик верил, что однажды найдет свою Патрицию, а как-то раз сам сбежал и не вернулся». «Его звали Джек?», – спросил Сойер. Дворник молча продолжал отхлебывать из своей фляги...

День 40

Лора

Сюда, в приют, редко кто заезжает, поэтому Лора была рада познакомиться и поговорить с Сойером и Зои, но они уехали несколько часов назад. Лора уложила детей спать, убрала разбросанные книжки и игрушки по местам, заварила себе чай.

У Лоры были красивые, немного рыжеватые волосы, милые веснушки весной и чуть печальный взгляд. Она стояла на кухне. В руках чашка чая, а в голове – очередь из тяжелых воспоминаний...

Папа погиб еще до моего рождения. Он был достойным человеком, но не слишком везучим. При военной операции его застрелили – так говорила моя мама. Мы с мамой всегда спали в одной комнате, в нашей маленькой квартирке. Маме часто было плохо, и она плакала, а я не знала, чем ей помочь. Когда плакала она, плакала и я. Плач, также как и смех, может быть заразительным. Она начинала успокаивать меня и успокаивалась сама.

Однажды я вернулась из школы, а мамы не было дома. Но дома меня ждал незнакомый дядя, который сказал, что мама попала в больницу и у нее немного болит голова. Когда я на-

вещала маму в клинике, она всегда держала в руках плюшевого зайчика и разговаривала с ним. Она плакала в руках с этим зайчиком в ожидании, пока зайчик тоже начнет плакать и она станет его успокаивать. Кажется, мама называла свою игрушку моим именем, а меня не замечала. Она жаловалась игрушечному зайчику, что у нее очень твердая подушка. Я пообещала маме, что достану для нее самую мягкую подушку, которая только существует. Уже и не помню, каким образом я ее тогда думала достать, ведь мне было всего восемь лет. Обещание свое я не успела выполнить: мама умерла через две недели – не знаю, отчего, мне не сказали. Наверное, виной всему была слишком твердая подушка, а ведь у нее так сильно болела голова...

Следующие несколько лет я жила в приюте. И однажды написала доктору письмо о том, что тут совсем нет игрушек и я хочу того плюшевого зайчика, с которым играла моя мама в больнице. У меня совсем не осталось вещей от моей прежней жизни. Дома осталось много интересных папиных вещей: до того как он умер, он хорошо зарабатывал. Мама не хотела ничего продавать из того, что принадлежало ему. Думаю, сейчас эти вещи уже нельзя было вернуть. Зайчика мне так и не прислали. Фотографий родителей тоже не было, и я начала забывать, как они выглядят. По воскресеньям наша воспитательница мадам

Илона водила нас в храм, где мы читали молитвы. Я не задавала вопросов, но была обижена на Бога, что он не спас моих родителей. Потом мы возвращались в приют.

Спустя несколько лет умерла наша воспитательница. Я в какой-то момент хотела сбежать из приюта, но как это сделать, когда у одного из ребят помладше болит горло, а другой не поделил игрушечную машинку с девочкой, которая постоянно плачет?

Я и сама иногда плачу. Жалеть себя легче, чем держать боль внутри...

День 49

Идет снег... Это было то утро, которое приветствует тебя снегопадом. Зои спит дома, а я иду в поисках подарка для нее – просто так, без повода. Дарить подарки приятнее, чем получать.

Я прошел мимо собаки, которая ела у помойки. Мне стало ее немного жаль.

Миновал детей, которые направлялись в школу, и мне вдруг захотелось стать ребенком: книжки, тетрадки, учебники – это же так весело и беззаботно!

Я видел много прилавков и витрин, которые ярко светились, демонстрируя и даже навязывая прохожим купить все эти, никому не нужные, побрякушки.

Стал подумывать, не взять ли нам билеты в кино или театр, но это показалось мне слишком банально. Цветы она не любит... Духи? Запахов слишком много – тут не угадаешь, тем более от нее и так всегда чудесно пахнет. Надо бы что-нибудь особенное...

Купил ей шарф, потом замерз и надел его сам. Я проходил весь день, но так ничего и не выбрал. Возвращаясь, встретил собаку, которую видел утром, у той же помойки: голодная, грязная, замерзшая и несчастная. Забавно получается... Бывает, мы что-то ищем и не замечаем, что уже нашли.

Я вернулся домой с собакой. Отмыл, накормил, согрел и оставил у нас. Зои как-то определила, что щенку уже три месяца и что это девочка. Мы назвали ее Патрицией – в честь того щенка, которого искал один очень хороший человек...

День 54

«У меня все хорошо», – повторяла я, стоя уже полчаса перед зеркалом в ванной комнате на втором этаже. Просто бывает так: просыпаешься и понимаешь, а зачем тебе все это? Ведь мир такой большой и интересный... Может быть, рано в моем возрасте загонять себя в плен отношений? Дом, любимый человек, теперь еще и собака. Все есть, о чем только можно мечтать! Кроме свободы...

Если девушка в двадцать лет в чем-то начинается сомневаться, значит, говоря «все хорошо», это означает: «все плохо». Многие вещи вдруг стали раздражать: например, его забота и любовь. Хочется чего-то совсем другого, наверное, если кто-то бы слышал мои мысли, он подумал, что я сумасшедшая... Как забота и любовь могут раздражать? Поверьте – еще как могут!

Вселенная бывает щедра на подарки или на друзей, но получая, мы должны что-то отдать взамен... Например: получаешь нового друга – теряешь старого, выигрываешь миллион в лотерею – покупаешь новый, большой, красивый дом. Вроде бы – ура! Но не забудь, что переезжаешь, а значит, – теряешь и вовсе забываешь свою старую квартиру: маленькую, но самую уютную, с массой теплых воспоминаний. Настолько теплых, что никакой обогреватель не сможет тебя

так согреть! Так что когда получишь очередной подарок «судьбы», не сильно-то радуйся...

Сойер все время говорил: «У меня никогда не было своей маленькой квартиры с миллионом теплых воспоминаний. Но знаешь...». А я каждый раз не слушала все то, что он говорит после своего «но». Человек, который постоянно всем и все пытается доказать, – несчастный человек... И эти сказки, что ему оставил после себя Джек, оказались обычными «сказками для детей». А может он их не оставлял? Это Сойер их нашел – как подарки, которые предназначены на Новый Год, но не для него...

Я поехала к себе домой, точнее – пошла. Под ногами хрустит снег, в наушниках – любимые песни, а мягкий шарф обнимает мою шею. Сейчас я наедине с клубком своих мыслей.

По пути домой зашла в любимую пекарню, потом за фруктами, в лавку на углу улицы Рассветов. Немного замерзла и устала, но все же благополучно добралась в свою квартирку на четвертом этаже.

...Через несколько часов я поймала себя на мысли, что так хочу вернуться к Соейру – в его уютный дом с горящим всегда камином, с чайником, полным горячего чая, с большой гостиной, где целая гора одеял, пледов и подушек...

Потом я обиделась сама на себя, и после нескольких часов одиночества мне стало совсем

скучно. Написала Сойеру сообщение: «Протерла дома полки от пыли, разобралась в себе и везу себя к тебе домой».

День 56

Ничего не произошло.

День 58

Ничего не происходило.

День 60

Я чувствовал себя немного виноватым – не стану лукавить. Я замечал, что Зои становится со мной скучно, чувствовал, что ей одиноко и что часы, проведенные вместе, сократились до минут, а минуты искренности – до секунд...

День 70

Мы каждый день ссорились, потом обнимались — и это обычное дело, но Сойер говорил, что мы ненормальные.

День 74

Она намеревалась познакомить меня со своими родителями, когда у меня был перерыв между театральными сезонами и на работе можно было не появляться целых три недели. Я, как глава семьи, заявил: «Перед тем, как мы позовем твоих родителей к себе на ужин, мы сделаем ремонт...». Зои посмотрела на меня с улыбкой и ответила: «Может, лучше пригласим их в ресторан? Так будет про...». Не успела она договорить, как я ее перебил: «Нет-нет!». И выдал Зои джинсовый комбинезон, фонарик, большую тетрадь и карандаш. Мы пошли по дому смотреть, насколько плачевно его состояние. Я громко перечислял: «Дощечки на лестничной площадке заменить!». Зои точно таким же тоном отвечала и записывала в блокнот: «Дощечки заменить». Потом, еле сдерживая смех, мы шли дальше оценивать ситуацию. У нас не было и не будет медового месяца – у нас просто начался семейный ремонт!

День 87

Сойер был первоклассным мастером. Мы перепачкались в краске, были по уши в опилках и пыли, но эти две недели были самыми прекрасными в моей жизни. Сойер научил меня многому: например, теперь я умею вбивать гвозди и менять фильтры на водосточных трубах в подвале. Хотите спросить – зачем мне это? Я и сама не знаю, но тогда меня это забавляло...

День 89

Я надел свой пиджак, а Зои бегала от плиты к столу и обратно. Ее родители должны были прийти уже через час. Мы достали две лучшие бутылки вина, накрыли стол. В сотый раз я сказал Зои, как она прекрасна.

Сегодня она очень старалась, но, как оказалось, перестаралась и сожгла всю еду, а потом повернулась ко мне со словами: «Заказывай пиццу!». Через час позвонила мама Зои и объявила, что они не придут: им досталась горящая путевка на море. Мама извинилась раз пятнадцать и заверила нас, что после отпуска они обязательно зайдут в гости. Мы, переглядываясь, стояли посреди отремонтированного дома: я смотрел на пиццу, а Зои – на сгоревший ужин. Я рассмеялся: «Море? В январе?». Зои тоже расхохоталась. Взяв кусочек пиццы, она сказала: «Ерунда».

День 95

Сойер подолгу пропадал на репетициях в театре: у них должна была состояться грандиозная премьера. В перерывах между репетициями он писал мне сообщения. Я читала, улыбалась и скучала по нему. Ждала премьеру: мне очень хотелось увидеть его игру на сцене — как тогда, в день нашего знакомства.

День 104

Вечер премьеры... Это всегда торжественная обстановка: кругом огни, много людей, и все такие нарядные. Последние минуты до начала спектакля...

За несколько лет работы с актерами я понял одно: все театралы – странные ребята, а многие из них так вживаются в роль, что выйти из своего образа уже не могут. Так случилось и с Эрни – стариком, который уже лет сорок «застрял» в образе. Перебрал как-то на новогодний праздник в костюме Санты, и его переклинило на всю оставшуюся жизнь. Теперь ему дают роли только на Новый Год. Вот и сейчас он ходил кругами и желал всем счастливого Рождества. «Эрни, сейчас февраль, иди в зал, а то место твое займут», – крикнул ему кто-то из актеров. «Иду-иду», – проворчал Эрни в ответ.

В зале слышались разговоры, смех – все ждали, когда начнется спектакль. Вскоре заиграла музыка. Занавес начали поднимать, потянув одновременно за канаты с обеих сторон сцены. Зрители громко захлопали, но с первой же фразы актера – затихли.

«У нашей жизни нет сценария! Но нашелся человек, который готов взять на себя всю ответственность и написать такой сценарий!», – произнес пузатый мужчина невысокого роста.

Сев за стол и взяв ручку, он начал писать. На сцене появились мужчина с газетой и женщина с книгой. Они сели на скамейку. Мужчина продолжал писать в тетрадь, озвучивая свои действия, а пара, сидевшая на скамейке, следовала написанному им сценарию. Публика в зале умилялась, хохотала и аплодировала стоя.

Толстяк написал очень добрый и забавный сценарий о жизни этих двоих. Без ссор, грусти, измен и расставаний...

Театр – это место, где время летит незаметно... По традиции, актеры после премьеры отправлялись всей труппой в ресторан. С женами, мужьями, друзьями, они заваливались всегда в один и тот же ресторан и веселились там до самого закрытия.

Зои ждала меня у гримерки. Обняла и сказала, что это был самый прекрасный спектакль в ее жизни. Я ей рассказал, что мы приглашены отмечать премьеру. «Сойер, у меня так сильно болит голова... Поезжай без меня!», – сказала Зои, прильнув ко мне. «Нет, что ты! Я без тебя никуда не хочу, поедem, прошу тебя! Найдем для тебя что-нибудь обезболивающее. В ресторане будет весело – обещаю!», – начал я ее упрашивать. Зои посмотрела на меня ставшими вдруг грустными глазами и произнесла: «Ладно, мне уже стало лучше от того, что ты меня упрощаешь...».

Я переоделся, и мы поехали в ресторан под названием «Бочка эля». Тут было много разношерстной публики: какие-то старики за столиком у выхода играли в карты, а рядом, за столиком на двоих, сидели две девушки и, перебивая друг друга, что-то оживленно обсуждали.

Огромный стол в центре был занят нашей труппой. Мы подсели к ребятам, и официантка принесла нам сразу по бокалу шампанского. Просидели там несколько часов: то пели хором, то рассказывали увлекательные истории, наслаждаясь дружной компанией хороших собеседников.

Но тут Зои шепнула мне на ухо, что очень устала и хочет домой. Я ответил, что еще часок, и мы отправимся.

— Со-о-о-йер, я, правда, очень устала...

— Зои... Еще немного и поедем

Все продолжали веселиться. В какой-то момент понял, насколько люблю всех этих ребят из театра. И Зои... Многие парни в этом заведении посматривали в мою сторону с завистью: еще бы, ведь я пришел с такой красивой спутницей! Ребята за столом не хотели нас отпускать, но мы попрощались и первыми покинули ресторан. Вышли на улицу, где медленно падал снег.

Мы стояли и ждали такси.

Зои обняла меня: «У тебя чудесные друзья!». Я тоже обнял ее. На улице было очень тихо: только когда выходишь из шумного места, понимаешь, насколько тебе не хватало отсутствие каких-либо звуков. Здесь только медленный вальс из падающих с неба снежинок и любимая Зои...

Из ресторана вышел какой-то мужчина. Постояв несколько секунд у входа, он направился к нам. Подойдя вплотную, вытащил нож и рывкнул: «Кошелек, быстро!». Я начал шарить по карманам пальто и протянул ему кошелек. Он резко выхватил его и ударил меня в нос. Я упал, из носа пошла кровь, Зои бросилась ко мне, но грабитель опередил ее и повалил на землю с криком: «Куда ты побежала, сумку сюда, тварь!». Она закричала, а он несколько раз ударил ее ножом по животу и побежал с ее сумкой в руках. Я бросился за ним, крича, что убью его. Потом рванулся обратно, к Зои. У нее изо рта шла кровь, она плакала от боли. «Зои, Зои!», – закричал я на нее. Зои задышалась от боли и крови, и, посмотрев мне в глаза, она еще раз вздохнула и умолкла. А я продолжал на нее кричать, я орал на нее, просил, чтобы она вернулась. Какие-то люди начали выходить из ресторана. Я кричал на них, кричал, чтобы они помогли, а они молча смотрели...

Глава 4

Пепел вместо сказок

«Читатель! Я тебя предупреждал, что это не самая приятная история. Кроме разочарований в жизни Сойера ты больше ничего не увидишь... Давай, я лучше расскажу тебе другую сказку, которая начинается вот так...»

...Однажды в одном царстве, в очень далеком государстве, за девять морей и двенадцать лесов, в чаще самого дремучего леса, жила очень дружная семья. Отец был дровосеком, мать занималась домом и огородом, а дети – старший сын Флоренс и младшая дочь Кнопа – помогали по хозяйству. Задолго до первого снега они готовились к зиме: утром отец отправлялся на охоту, а вечером рубил дрова. И каждый раз он обещал сыну, что возьмет его с собой на охоту. Флоренс воинственно затачивал охотничьи стрелы для своего тоненького лука, который сделал ему отец. А Кнопа расчесывала свои длинные светлые волосы и мечтала, что когда вырастет, то будет жить в самой высокой башне замка с самым красивым принцем, а вид из башни будет простирается на все земли и королевства вокруг. Она часто это повторяла, а мама улыбалась... Как-то раз отец ушел на охоту и не вернулся.

Вся семья сильно горевала, но Флоренс в свои двенадцать лет был уже смелым парнем и заявил, что отправится на поиски отца. Он взял припасов, которых едва хватило бы на два дня, лук и колчан с восемью стрелами. Мать долго не хотела отпускать сына в дремучий лес разыскивать отца. Но Флоренс ее не послушался и отправился в путь.

Прошло три дня, но он не вернулся... Тогда мать взяла корзинку, уложила в нее еды на три дня, обняла на прощание Кнопу и пообещала вернуться очень скоро, как только найдет потерявшихся отца и сына.

Прошло шесть дней, но никто так и не вернулся... Кнопа каждый вечер разжигала костер в нескольких шагах от своего домика в надежде, что тот, кто потерялся, обязательно найдется.

Наступила зима, бережно укрывшая все вокруг пышным белым снегом, нагрянули морозы. Кнопе стало холодно и голодно: еды едва хватало, а морозы по ночам были настолько сильными, что окна трещали. Однако ей удалось пережить всю зиму в своем маленьком домике.

Но вот наступила весна. Солнце засветило ярче, а трава зазеленела на глазах. Кнопа решила отправиться на поиски своей пропавшей семьи. Взяв припасов на пять дней, она пошла по единственной тропинке, ведущей от дома в лес.

Шла она целый день, пока не добралась до

большого дома, который одиноко стоял среди деревьев. Кнопа постучала в дверь. Дверь тут же открыл пожилой человек с фонарем в руках.

– Здравствуйте, я кое-кого потеряла и хочу теперь вернуть! Но совсем не знаю, где они, – пропищала Кнопа своим тоненьким голоском.

Мужчина не ответил ей, а только сделал жест рукой, чтобы она следовала за ним в дом. Кнопа была совсем неглупой девочкой и знала, что заходить в дом в глуши леса – опасно, но желание найти свою семью было сильнее. Она переступила порог, прошла по темному коридору вслед за странным человеком и попала в комнату с жарко пылающим камином, где в кресле сидела толстая старуха и вязала.

– Здравствуйте! Я ищу свою семью. Вы должны мне помочь их вернуть! – выпалила Кнопа.

Толстушка посмотрела на нее глазами, полными заботы и любви, и ответила: «Девочка, успокойся, мы сейчас же всех найдем. Ты выглядишь уставшей. Садись за стол я тебя накормлю». Кнопа послушно уселась за стол. Старик подносил ей блюдо за блюдом, и Кнопа быстро наелась. Но стоило ей только заговорить о своей семье, как старушка тут же начинала ее уверять,

что сейчас все лягут отдохнуть, а завтра отправится на поиски. Кнопу уложили на большую кровать, где она проспала до самого обеда. А открыв глаза, она увидела, что старуха уже вязала свои шарфы да рукавички.

– Бабушка! Я очень волнуюсь за свою семью!

– Хорошо, девочка, ты только покушай, и мы отправимся в путь, – ласково ответила она.

Кнопа поела и опять уснула, а пробудилась уже вечером. Бабушка все вязала. Кнопа подошла к ней и сказала, что очень скучает по семье, и та ответила, что утром они обязательно отправятся в путь.

– Утро вечера мудренее, сегодня раньше ложись спать и, главное, – не проспай. На улице ветер и дождь. А дома тепло и есть еда...

Кнопа уже хотела послушаться старуху, но желание найти семью было настолько сильным, что ночью она сбежала из этого странного места. Девочка быстро шла всю ночь, изредка поглядывая на звезды. Наконец, она вышла из леса, перешла небольшую речку по каменному мостику и пришла к конюшне. Конюшня была старой и заброшенной, но рядом стояла ферма, и яркий свет из одного-единственного окна гово-

рил о том, что там кто-то есть. Кнопа опрометью бросилась к двери и три раза громко постучала. Дверь открыл ей мальчик лет двенадцати, с ярко-золотыми волосами. Он молча и удивленно смотрел на нее, и Кнопа первая нарушила это странное молчание:

– Здравствуй, мальчик, милый мальчик, можно зайти к тебе в дом? Я заблудилась, когда искала свою семью, они тоже потерялись, но уже давно...

Мальчик продолжал удивленно смотреть на Кнопу.

– В-в-входи, конечно... меня зовут Ларри...

– А меня – Кнопа.

– И кого же ты потеряла? – спросил Ларри.

– Папу, маму и брата: они ушли и не вернулись. Мы жили в лесу, в маленьком домике. А сейчас я даже не знаю, как найти дорогу домой, но зачем мне туда возвращаться одной, без семьи...

Она вошли в дом, и Ларри налил девочке кружку горячего чая и дал кусок хлеба с сыром. Кнопа несколько раз сказала: «Спасибо». В тот вечер Кнопа и Ларри стали настоящими друзьями. Как выяснилось, мальчик жил тут один: он

сбежал из дома, от ужасно деспотичного отца. Ларри с грустью сказал, что отец приказал своим слугам его разыскать. Кнопа очень внимательно слушала его рассказ и старалась не перебивать, а мальчик все продолжал свою историю...

– Мою маму погубил злой колдун, который живет где-то в чаще дремучего леса. Она давно умерла и я очень скучаю по ней, – печально промолвил Ларри. – Когда я вырасту, то сожгу весь лес, найду колдуна и отрублю ему голову. Если твоя семья затерялась в лесу, то я уверен – это дел рук колдуна. Все жители в округе знают, что одному в лес идти нельзя.

– Ларри, ты должен помочь мне отыскать мою семью, пожалуйста, – стала умолять его Кнопа.

– Я обещаю...

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в нее ввалилось двое мужчин в доспехах.

– Ах, вот ты где, негодный мальчишка, король в ярости, мы ищем тебя по всей округе!

– Я никуда не пойду! – стал сопротивляться Ларри.

– Еще как пойдешь! Барни, хватай мальчишку, и – в замок, – приказал рыцарь своему слуге.

– И девчонку – с собой! А за то, что она укрывала принца, ей отрежут руку. Никто не смеет

идти против воли короля! — рявкнул Барни.

Детей все-таки доставили в замок, и отец наказал Ларри. А девочку, которая не смогла убедить в том, что у нее есть дом в лесу и семья, отдали в приют, обозвав ее вруньей и беспризорной сиротой. Кнопа по ночам плакала, а днем работала на хозяйку приюта. В эти моменты она была самым несчастным ребенком на все девять земель и двенадцать лесов вокруг...

Шли годы, и она выросла. Поговаривали, что Ларри искал ее. Но суровый и беспощадный король отказывался говорить сыну, где его подруга.

...Прошло почти десять лет, а Ларри все не забывал данное им обещание: он должен помочь ей найти свою семью. За эти годы мальчик окреп и стал настоящим рыцарем. И настал момент, когда отец Ларри все-таки смягчился и рассказал ему, куда отправил Кнопу. Ларри немедленно оседлал коня и поскакал к приюту, но там его ждало сильное разочарование: старая хозяйка призналась, что две недели назад Кнопа ушла из приюта. Еще она добавила, что ее нужно искать далеко на севере.

Ларри снова отправился на поиски. Он жег на своем пути дремучие леса, полные колдунов и чудовищ, пересек несколько морей, покориł не одну гору и даже сражался с драконом, который

охранял башню с неизвестной ему принцессой.
Но все тщетно...

На второй год странствий Ларри встретил
колдуна, который...

«Читатель!

*Я могу рассказывать тебе эти сказки,
очень долго... но я пообещал тебе
рассказать историю Сойера до самого
конца, какой бы печальной она ни была...»*

День, не знаю, какой...

Я избил ее отца. Он сказал, что я недостойн был ее любить, раз не в состоянии защитить... Бросался под колеса машин. Напивался в стельку и валялся пьяный на дорогах и в каждом дворе. Кидался на прохожих. Разбивал руки и голову в кровь. Меня били. А я бросался опять. Не знаю, почему еще не умер...

И вот я заболел и в температурном бреде не хотел выздоравливать, потому что привык, что лекарства заставляла меня принимать Зои.

Она погибла из-за меня! Каждая мысль о ней отдавалась ударом в груди, каждое воспоминание о ней – обжигало... Сотни раз я прокручивая в голове события того вечера. Кричал сам на себя, я не мог оправиться и справиться со всеми этими воспоминаниями. Представил, что она вышла в магазин за чаем, и вот-вот вернется. Ждал час, два, но она не возвращалась... Мне вдруг почудилось, что она спешит домой с работы. Лежал с закрытыми глазами и ощущал запах Зои на подушке...

Кто-то когда-то сказал: «Пытаться забыть – значит, постоянно помнить». А я не хочу забывать. Хочу помнить...

Я ничего не ел. Вы когда-нибудь были сыты болью? Когда в горле комок и совсем не можешь есть. Одно и то же...

Через неделю подушка уже не пахла ее духами. Написал ей сообщение: «Я купил духи, как у тебя, настолько по тебе скучал. Как дурак, пшикаю их на все вещи. Иду по улице, закрываю глаза и представляю, что ты рядом...». Знаю, что она не получит это сообщение, но мне так хоть немного легче.

А еще я хотел рассказать историю, которую мне поведал один парень в баре.

Эта история про мальчика, задумавшего напугать маму, которая должна была вот-вот вернуться домой после работы. Его мама шла по осеннему городу и не замечала всей красоты вокруг, торопилась домой, у нее тяжелая работа, сын 12 лет и бывший муж, который не выходил у нее из головы...

На секунду задумавшись, она споткнулась о камень, упала и, разодрав колени, застонала от боли. К ней подбежал мужчина лет тридцати и торопливо проговорил: «Девушка, с вами все в порядке?!». Он помог ей подняться, и я не знаю, что именно было дальше, но этот мужчина спас ее ...от повседневности. С первых же минут знакомства они уже смеялись, разговаривали, и он отвез ее в больницу залечить раны на коленках.

Банальная история: одинокая женщина с ребенком, отзывчивый тридцатилетний мужчина, любовь, горькие конфеты с вином и, в конце концов, счастливый брак...

Но мальчик ждал маму, которая опаздывала с работы, и он задумал напугать ее: встал на табуретку у турника, завязал петлю, и...

Мама пишет в это время сообщение: «Сынок, я буду через два часа». А сын стоит на табуретке, на шее слегка затянута петля, он слышит звук входящего сообщения на мобильном. Рванув по привычке к телефону, он опрокидывает табуретку, петля затягивается насмерть, и он висит на турнике без всякой возможности спастись. Счастливая мама заходит домой, говорит: «Сынок, я тебе такое сейчас расскажу», проходит в комнату и кричит: труп мальчика висит уже два часа на турнике, табуретка валяется рядом и, самое печальное, что она никогда не поймет «шутку» своего сына.

Эта история показалась мне на редкость правдивой, и захотелось узнать продолжение. Но парень, который рассказал мне эту историю, куда-то ушел...

Я снова устроился работать в театр, мне дали те же роли, что и раньше. Но играю я паршиво, слова забываю, руки трясутся: не знаю, это говорит во мне неуверенность или алкоголь.

Алкоголь... Оказывается с бутылкой красного вина жалеть себя намного приятнее. А еще я понял, что если много пить, то становишься похож на бездомного. Пару дней назад, выходя из дома, я не закрыл дверь. Вернулся через час, а

собака сбежала. Видно, ей стало плохо без меня, и она пошла следом за мной, а обратной дороги не нашла. Я жутко расстроился и бросился ее искать. У меня не было фотографии собаки, чтобы повесить объявление на улице, и я не знал, какой она породы. Я стал спрашивать у прохожих, не видели ли они маленькую собаку, но люди почему-то сторонились меня: наверное, потому что выглядел я, как бездомный...

Теперь и родной дом кажется мне чужим. Потому что Дом – это там, где есть ты...

День 426

...На палубе ледакола под названием «Северный ветер» стояли трое мужчин и молча смотрели в крошечную тьму из сплошного льда. Один из них был капитаном, а двое – обычными матросами. Они стояли тут довольно долго и матросы изредка нервно переглядываясь между собой.

– Сообщите всему экипажу, – промолвил усатый капитан.

– Но, капитан... – начал было возражать низкорослый матрос.

– Выполнять! – рявкнул усатый.

Матросы побежали выполнять приказ. А капитан продолжал стоять и стынуть. Его корабль два дня как застрял во льдах: произошла поломка основного двигателя и системы отопления судна, и они в буквальном смысле слова превращались в лед. Погодные условия мешали добраться эвакуирующей группе. Экипаж из 173 человек оказался в ловушке на сотни миль вдали от цивилизации.

Почти все собрались в столовой и ждали горячую похлебку, над которой кок и трое его помощников колдовали полдня. Накормить 173 человека, да в таком диком холоде, – это настоя-

щее испытание для повара-новичка. Это был его первый рейс, и настолько трагично неудачный...

Команда на корабле еще не подозревала, что спастись невозможно. Два матроса по приказу капитана пришли, чтобы сообщить эту ужасную новость. Один из них, выйдя на середину столовой, громко произнес: «Помощи не будет – нам сообщили, что эвакуирующая группа не доберется до корабля при таких сложных погодных условиях». Все молча выслушали эту новость, но через мгновение готовы были разорвать вестника.

– И что мы будем жрать? Крыс по подвалам ловить в минус пятьдесят? – заорал толстый мужик в грязной тельняшке.

– Где капитан? – продолжали орать из толпы.

В этом шуме и неразберихе только один парень был спокоен: он тихо сидел за столом и бережно выводил букву за буквой в бумажном письме: «Дорогая Зои, я знаю, ты не прочтешь это письмо. И пожалуйста, не подумай, что я сумасшедший. Я просто очень по тебе скучаю и по нашей собаке. Надеюсь, она нашла себе более ответственного хозяина, чем я. Хочу многое изменить, но, мне кажется, времени осталось не так много, как хотелось. Еще хочу извиниться перед твоим отцом. Он прав: я был тебя не до-

стоин и, более того, хочу сказать, что скучать по человеку, которого больше никогда не увидишь, это ужасно несправедливо». Сойер поставил точку в письме, взял у кока тарелку с похлебкой и подумал: «А ведь почти у всех, кто на корабле, есть семья, родственники, друзья и все они будут печалиться».

Быстро доев свою порцию, Сойер вышел из столовой с разбушевавшимися членами команды, направился в свою каюту, залез под одеяло и попытался заснуть. Очень тяжело заснуть в таком холоде, даже в двух свитерах и теплых шерстяных носках, все равно не согреться. Легче засыпать, когда мечтаешь: так мысли медленно убаюкивают тебя.

Сойер заснул и даже не подозревал, что где-то там, на небесах, за ним наблюдает его ангел – Зои. Когда во сне ему стало очень холодно, она прогнала все ледяные ветра, когда он бросался под машины, напивался, лез в драки – она всегда оберегала его. Разве может быть такая любовь? Даже после смерти, такая сильная, чтобы навсегда? Наверное, Сойер просто замечтался перед сном, и все это неправда. Но сейчас он спал крепче всех на свете.

Наутро, как по волшебству, шторм утих, ветер прекратил выть и, кажется, даже воздух стал теплее. Могу сказать одно: все, к счастью, обошлось: спасательная группа вовремя эвакуиро-

вала всех и ледокол «Северный ветер» остался
во льду в гордом одиночестве.

Совсем другой день

Прошло немало времени... Мне стало известно, что Сойер побывал во многих уголках Земли: от льдов Антарктиды – до берегов Африки. Поговаривают, что он был даже в странствующей труппе актеров одного известного цирка. Но скорее всего, – это лишь слухи. Я точно знаю одно: спустя несколько лет Сойер вернулся в родной городок, в свой заброшенный дом. Набравшись опыта и заслужив шрамы, он, наконец, переступил порог своего дома и набрал полные легкие воздуха, пыли и воспоминаний.

Выгуливая свое одиночество

Я закрыл за собой дверь, скинул зимнюю куртку прямо на пол и медленно прошелся по дому, поняв, что тут ничего не изменилось: лишь стало очень пыльно и холодно: видимо, в доме отключили отопление. Зашел в гостиную, но раньше мне казалось, что здесь было намного уютнее. Куда-то подевались все одеяла и подушки, или это я их выбросил – уже не помню... Прилег на свой самый любимый диван, закрыл глаза и заснул. Проснулся от холода, но мысли в голове мешали мне и выгоняли из дома. Я вышел на улицу без цели, просто выгуливая свое одиночество. Появилось время подумать обо всем. Что же делать дальше? Ведь не может вот так просто, без цели, жить человек!? Довольно интересно получается: мы приходим в жизнь абсолютно нищими, верно? Или нет? При рождении мы получаем маму и папу – это самое ценное, что у нас есть. Мне снова стало горько, что мои мама и папа попросту выбросили меня. Интересно, кем они были? Всегда неловко об этом думать: ведь так хочется гордиться своими родными, например, говорить, что твой папа – полицейский, а мама – врач. Но когда тебя оставили на пороге детдома, трудно поверить, что твои родители были достойными людьми. Тут я вспомнил о поступке Джека, а ведь прошло уже столько лет! Я

до сих пор помню тот вечер, когда он приехал в приют с огромным ящиком конфет и забрал меня в свой дом, в свою семью, к Марси...

Все эти годы я не понимал, почему Джек хотел взять ребенка из приюта, а не завести своего. А сейчас понял: потому что настоящий мужчина знает, что приюты полны детей, у которых нет семьи, и эти дети не виноваты в том, что их родители – подлецы. И я решил, что у меня не будет своих детей до тех пор, пока детские дома будут полны брошенными и никому не нужными ребятами...

Вы знаете, что приятнее дарить, чем получать подарки? Есть схожее чувство, которое называется «правило спасающего»: когда спасатель, только что вытащивший из воды тонущего человека, радуется больше, чем потерпевший. Мне ли не знать, что такое жить в приюте!? И я решил сделать так же, как Джек: прямо сейчас я поеду в приют и заберу к себе ребенка. Обучу всему, что умею, буду заботиться о нем, как о самом близком человеке. Нет! Заберу сразу двоих! Чтобы им не было скучно со мной... А еще, когда они пойдут в школу, один сможет защитить другого от обидчиков. Только надо подготовить дом: он сейчас не в лучшем состоянии.

Цель

Целую неделю Сойер отмывал дом, починил крыльцо, разобрал комнату на втором этаже, купил много новых вещей, вытер каждый предмет до блеска. И вот дом готов! Сойер отправился к Борли Минтлу, который на заказ сделал ему целый ящик самых вкусных сладостей, каких больше нигде не найдешь. Он сел в машину и с улыбкой до ушей поехал в приют.

...Это были самые долгие два дня в его жизни. Дорога изматывает, а Сойер спешил. Время тянулось, а он ехал вперед, и без остановок.

В голове засела мысль: я хочу быть похож на Джека – не внешне, конечно, а поступками: быть таким же смелым и честным, как когда-то был он.

Стал думать о Зои: как сильно я скучаю и как она гордилась бы моим поступком. Наверное, в мире больше нет такой второй Зои...

Никогда не понимал людей, которые встречаются со своими однокурсниками, коллегами, бывшими одноклассниками. В мире более семи миллиардов человек, а кто-то берет в жены девушку, которая стоит с тобой на работе за соседней кассой. Да что уж там! Я твердо убежден, что в мире нет такой второй Зои. Когда же я перестану тосковать?

Мне говорили, что все пройдет, уляжется, за-

будется, но нет, не прошло, стало только больнее. Наверное, мне всей жизни не хватит, чтоб хоть чуть-чуть стало легче... Если я полюбил, то это – навсегда. Говорят, что бывает и так: разлюбил, но я не поверю, что тот, кто разлюбил, хоть когда-то по-настоящему любил! Для людей зона комфорта – это два выходных в неделю, нелюбимая жена и кредит за холодильник. Я боюсь такой жизни. Хотя сейчас у меня еще хуже, но я стараюсь, и все будет хорошо. Или не будет...

Глава 5

Снегопад

Маленький мальчик в очках с тонкой железной оправой сидел за первой партой, которая стояла ближе к учительскому столу. Это было самое нелюбимое место пятиклассников. Но этот мальчик, которого, кстати, звали Митч, специально выбрал такое место, чтобы быть ближе к темноволосой девочке за соседней партой. У нее были красивые длинные волосы, и еще она была скромной. Немного даже молчаливой, что привлекало Митча. За первыми партами сидят только отличники, а она, несомненно, была такой. Зазвенел звонок, и все стали выбегать из класса. Почти всех детей, встречали родители на машинах, припаркованных на школьной стоянке. И только одна скромная девочка, сидевшая за первой партой, неспешно укладывала тетрадки в свой зеленый рюкзак.

Иногда очень трудно заговорить с девочкой, но Митч точно знал, что сегодня он осмелится и предложит ей погулять после уроков.

- Привет, Ника!
- Привет, Митч!

Они улыбнулись друг другу, и Митч торопли-

во начал говорить. Дошли до школьного автобуса и вместе сели в него. Иногда дружба начинается так внезапно! Ребята и не заметили, как доехали до нужной остановки, проговорив всю дорогу без умолку – обо всем на свете.

– Можно, тебя проводить? – вызвался Митч. Ника улыбнулась и сказала:

– Я живу довольно далеко отсюда...

– Ну и что? Хочешь, я расскажу тебе, как мы с папой строили дом на дереве в прошлом году?

– Ого! У тебя есть свой домик на дереве? – искренне удивилась Ника.

Разговоры детей – это своего рода пересказ фактов из их жизни. Кому какую игрушку купили, у кого папа работает пожарным и так далее. Но эти двое, разговаривая всего пару часов, уже знали самое важное друг о друге.

Ника, оказывается, приехала сюда с семьей из далекого восточного города, название которого никто и не пытался произнести вслух, такое оно было заковыристое. А Митч свои первые пять лет жизни провел в детском доме – до того момента, пока папа не забрал его к себе домой.

Дети шли под тихим снегопадом. У Ники от мороза порозовели щеки, а Митч совсем позабыл о том, что обещал отцу вернуться сразу после школы. Митч никогда не слушал своего

отца, когда разговор заходил о правилах. И домой всегда приходил намного позже, чем требовал отец. Бывало, он часами гулял один, а потом выслушивал целые лекции: что он еще не взрослый и что должен слушаться отца. А Митч уже взрослый! По крайней мере таким себя считает.

Дети дошли до необычного двухэтажного домика с забавным почтовым ящиком у входной двери. Ника остановилась, обняла Митча и сказала: «До завтра! Спасибо, что проводил...». Митч с улыбкой попрощался и в хорошем настроении направился домой. Идти ему нужно было час, а то и больше. Ветер усиливался, а снегопад превращался в снежную бурю. Но двигаться было легко: ветер поддувал в спину, и Митч только ускорял шаг. Свежий снег звонко хрустел под ногами, а мысли о новом друге согревали его, как теплый свитер или обнимающий шею шарф.

Митч смотрел, как мимо проезжают машины. И куда только они несутся в такую погоду? Много машин и много людей, и все куда-то спешат. «Первым делом, когда зайду домой, расскажу папе про Нику, и про школу, и про снегопад, про все расскажу», – подумал Митч, продолжая идти. Шел долго и думал о многом, даже немножко мечтал. Мечтал о кружке горячего какао, о теплых шерстяных носках и о том, чтобы поскорее закончился день, ведь завтра он уви-

дится с Никой в школе.

Митч свернул с улицы в сторону парка – так можно было быстрее добраться до дома. Парк в это время года почти всегда пустовал: никто не хочет сидеть на морозе в парке, когда через дорогу полным-полно разных кафешек и всяких мест, где можно согреться. А Митчу это место было по душе. Укрытые снегом деревья, свежий воздух и никого, кто может оторвать тебя от размышлений по пути домой. Когда мечтаешь, зачастую не смотришь под ноги, взгляд все время устремляется куда-то вверх, к небу. Ветер становился сильнее, а из-за снега трудно увидеть, что впереди.

Митч оступился на левую ногу и, поскользнувшись, провалился куда-то вниз. Он упал в открытый люк водосточной канавы и сломал ногу. Мальчик попытался встать, но застонал от боли. Глаза заслезились от тяжелого запаха, и его затрясло от холода. Он попытался вылезти, но тщетно, попытался позвать на помощь, но никто его не услышал. Ему оставалось только тихо плакать.

Неизвестно, сколько прошло времени и Митч заснул. Говорят, если забыться сном на морозе, то можно и не проснуться. А еще известно, что все счастливо обошлось и мальчика нашли. Спустился шесть часов, с обмороженными пальцами рук, с переломанной ступней и с огромными ис-

пуганными глазами...

Отец мальчика, Сойер, просидел двое суток у его кровати в больнице имени Святого Патрика...

Банановое капучино

В самом углу маленькой кофейни, за столиком, сидели двое: девушка и юноша. На вид им было лет по семнадцать. Они что-то обсуждали. Пахло корицей, ванилью и, кофе, приятное освещение придавало особый уют этому кафе.

Подростки, а это были Митч и Ника, пили кофе и рассматривали целую стопку фотографий, которые сделал Митч.

– Вот эта очень крутая, – сказала Ника, указывая пальцем на один из пленочных снимков.

– Это кодак 400, я сам проявлял эту фотографию, – с гордостью ответил Митч.

– Еще эту нужно отправить, – добавила Ника, передавая карточку, на которой была запечатлена замерзшая река. Митч, смутившись, задумался.

– Да, брось, – начала уговаривать его Ника, ты обязательно поступишь. У тебя великолепные снимки. Как только в этой чертовой фотоакадемии получат твои фотографии, они сразу заметят твой талант. Иначе и быть не может!

Митч обнял ее так, как обнимают лучших друзей. И они увлеченно продолжали выбирать лучшие снимки.

Мятный чай

– Ты обещал, – крикнул Сойер.

– Отец, не начинай, – отмахнулся от него Митч, спускаясь по лестнице на первый этаж дома.

– Ты всегда делаешь все мне назло, – продолжал Сойер, следуя за сыном по лестнице.

– Черт возьми, отец, мне двадцать лет, сколько можно оберегать меня? – крикнул Митч с раздражением в голосе.

– Потому что ты уходишь, а я не могу заснуть ночью, думая, где ты и как ты! Почему ты не можешь никак успокоиться? – как будто упрасывая сына, проговорил Сойер.

– Ты самый отвратительный отец в мире, лучше бы я тогда остался в детдоме, – бросил Митч и вышел на улицу, демонстративно хлопнув входной дверью.

Треснувший лед

Более тридцати лет Сойер ходил в море. До того момента, пока медкомиссия не запретила ему ходить в рейс по состоянию здоровья. Требования стали более жесткими, и Сойера отправили на пенсию. Свободного времени сразу стало много. Давно вот так он не сидел дома один на один со своими мыслями. Сын уехал давно, и огромный дом был снова в его распоряжении. Цели в жизни не было, настроения – тоже. Оставалось только стареть...

Птичье гнездо

Изредка приходят открытки от сына.
По утрам хожу в парк кормить уток хлебом.
Захожу в лавку Борли Минтла пить вишневый
сок.
Днем сплю.
Вечером пью чай.
Перечитываю давно забытые сказки.
Ночью сплю, иногда.
Утром хожу в парк кормить уток хлебом.

Горький шоколад

Сойер сел за письменный стол, держа в руках потертый от времени белый конверт. Он уже много лет перечитывал одно и то же письмо: «Привет, пап. Скажу тебе сразу. Я хочу велосипед. И кошку. Кошку буду гладить, а велосипед для того, чтобы я мог далеко ездить.

Ездить далеко, чтобы вернуться, а дома ждет кошка. И папа. И горячее какао. А еще я бы хотел извиниться и поблагодарить тебя одновременно. За тот день с люком, когда я провалился, а ты нашел меня. В буквальном смысле достал из-под земли. У меня еще не было таких родителей, которые меня находили, дважды находили. Когда я вырасту и стану богатым, то обязательно сделаю так, чтобы ты никогда ни в чем не нуждался. Твой любящий сын Митч».

Старый камин

Думаю о Зои. Мысли о ней помогают мне засыпать. Не было и дня за эти сорок лет, чтобы я ее не вспоминал. Уже давно позабыл название ее духов, которые я всюду пшикал и представлял, что она рядом. Не помню ее нежного голоса. Но помню, что я ее любил...

Глава 6

Мандариновое мороженое

76 лет

Любимый театр. Первый ряд, 15 место. Самое счастливое место.

Сойер – в очках с толстой оправой. Показывают какую-то современную комедию. Он неслышно выходит из зала, надевает свое тонкое пальто и направляется домой. На улице легкий мороз, идет снег.

Это был последний раз, когда кто-либо видел Сойера...

Теплый шарф

Я пришел домой, а ноги болят от долгой прогулки. Налил чаю в любимую кружку Зои, из которой чай вкуснее уже столько лет...

Лег на кровать в одежде. Я очень сильно устал. На долю секунды закрыл глаза и не заметил, что чай уже давно остыл на столе, а я снова лежу у порога детдома, мне три месяца, а весь мир такой большой и...

...